Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова

Надежда Васильева

Гагара

Лауреаты Международного
конкурса им. С. Михалкова

Надежда Васильева

Гагара (сборник)

Издательство «Детская литература»
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Васильева Н. Б.

Гагара (сборник) / Н. Б. Васильева — Издательство «Детская литература», 2015 — (Лауреаты Международного конкурса им. С. Михалкова)

ISBN 978-5-08-005329-0

Герой первой повести, давшей название книги, влюблен в девчонку, по прозвищу Гагара, с детсадовского возраста, но ведет себя так, что та готова бежать на край света от этой любви. После того как она в очередной раз «отшила» его, случилось непоправимое… Как избежать подобной беды, как научиться уважать и ценить чужие чувства, как жить так, чтобы вокруг тебя царили мир и согласие? Герою второй повести «По прозвищу Гуманоид» это удается, хотя и не сразу. Ведь Митька Гуманоид, следуя завету своего любимого деда, способен понять другого и умеет любить, терпеть и прощать. Для старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005329-0

© Васильева Н. Б., 2015
© Издательство «Детская литература», 2015

Содержание

О конкурсе 6
Гагара 7
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Надежда Васильева
Гагара (сборник)

© Васильева Н. Б., 2015
© Агафонова Н. М., иллюстрации, 2015
© Рыбаков А., оформление серии, 2015
© Макет, составление. ОАО «Издательство «Детская литература», 2015

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, поэзии. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов.

Отправить свое произведение на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные рукописи два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-лист конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Гагара

Повесть

На дворе буйствовал осенний ветер. Он безжалостно срывал последние листья с оголенных деревьев и яростно швырял их под ноги редким прохожим. А потом еще взял да и свистнул на помощь дождь. Тот, мокрый проходимец, холодный и косой, с угодливым усердием стал хулиганить еще больше, зачем-то обклеивая бурыми листьями стекла светящихся окон школы.

А на лестничной площадке между первым и вторым этажами толпилась детвора. Первоклашки соревновались в довольно трудном деле. Прыгали вверх по ступенькам одиннадцать раз, как бы переходя из класса в класс. Причем прыгали, ни за что не держась и сразу двумя ногами. Кто придумал такую забаву?

Илона невольно остановилась у окна. Сделала вид, что любуется золотым покровом осени. А сама искоса, чтобы не отвлекать от игры внимания ребят, наблюдала за тем, как курносая девчонка, прикусив губу, силилась совершить очередное восхождение. Мальчишкам прыжки давались легче. А у девчонок от этих невероятных усилий на носу выступали капельки пота и челки липли к упрямым лбам. Вот девчушка, не удержавшись, слегка дотронулась рукой до стенки. И тут же дружный рев мальчишеского возмущения обрушился на ее бедную голову:

– Эй, Сорока! Самая умная, что ли?!

– Иди в конец!

– Давай-давай! Хитрюга!

– Пошатнулась! Да еще рукой до стены дотронулась!

– Все видели! Вали назад, недотепа!

Девчушка, нахмурившись и обиженно скривив губы, спустилась и встала за крупным белобрысым пареньком, который, для пущей важности, еще и погрозил ей кулаком:

– Не вой! И учись у меня, пока жив!

Услышав эти до боли знакомые ей фразы, Илона не могла сдержать улыбку. Так обычно говорил ее одноклассник и в ту пору злейший враг, Борька Тарасов. Благодаря ему, ее прыжки по лестнице жизни начались даже не со школьной, а с детсадовской поры: с Тарасовым они ходили в одну группу детского сада.

Видимо все-таки почувствовав ее внимание, паренек мельком оглянулся. Илона быстро перевела взгляд на окно. Погладила ладошкой запотелое стекло в том месте, где к нему с уличной стороны прилип яркий кленовый лист. Мальчишка, не увидев ничего подозрительного, отвернулся и снова стал с азартом следить за прыжками одноклассников, которым не было никакого дела до какой-то там студентки-практикантки. Это тебе не своя учительница, командный голос которой мигом заставит всех расступиться и прижаться спиной к крашеной стене с облупившимися прорехами в такой ненадежной штукатурке.

Тихо шмыгала носом Сорока, переживая по поводу своей неудачи. Упрямый взгляд зеленоватых глаз выдавал завидную устремленность. Она явно копила силы для новой попытки восхождения.

Птичье прозвище было в детстве и у Илоны. Ее называли Гагарой.

* * *

«Гагара! Постой!» – как наяву, услышала знакомый веселый голос Борьки Тарасова. Они тогда уже заканчивали одиннадцатый класс. Стоило всплыть одному этому эпизоду, как перед глазами тотчас замелькали клипы той школьной поры.

– Гагара! Постой! Постой же!..

Но Илона даже шаг не замедлила. Ничего хорошего ей эта встреча не сулила. Опять будет доставать своей тошнотворной любовью!

– Да подожди ты! Куда несешься?! У меня к тебе разговор самый серьезный! – И его тяжелые бутсы громко застучали по асфальту.

Он догонял ее и уже напряженно дышал в затылок. Только этого ей и не хватало! Не только в школе, но и в выходные от него покоя нет!

Последние два года Борька преследовал ее буквально по пятам. Перед глазами – куда ни поверни голову – постоянно вставала его наглая веснушчатая физиономия с восторженной улыбкой идиота. Хоть бы скорее школу закончить, что ли! Да уехать куда-нибудь подальше от его домогательств. Он-то вряд ли будет куда поступать. Извозом займется, как

парням говорил. А значит, останется в их небольшом районном городке. И скорее всего, навсегда. Под крылышком почитаемого в городе папаши.

Отца Борькиного знали все, от мала до велика. Он был начальником их районного отделения милиции. В детском саду своим отцом Борька очень гордился. В начальной школе говорить о нем стал меньше, а в старших классах любое упоминание об отце его просто бесило.

Однажды математичка, выводя в Борькином дневнике жирную «единицу», усмехнулась: «Отец у тебя, Тарасов, такая уважаемая в городе личность, а ты в кого пошел?» – «Как в кого? В папочку! – Борька оперся ладонями об учительский стол и приблизил свой чуб к самому лицу математички. – Я его тоже уважаю, беру за хвост и провожаю! Понятно?!» – «Это ты про отца так говоришь?!» – отпрянув от него, бледными губами прошептала та. «А как вы угадали? – продолжал издеваться Борька. – Про него, любимого! И этой „уважаемой личности“ ваш привет обязательно передам!»

Со злопамятной математичкой никто в классе так разговаривать не посмел бы. И теперь все ждали, когда же она начнет Борьку гнобить. Но та будто вообще забыла про Борькино существование. И случай этот «канул в Лету».

– Ты чего всегда такая смурная? – легонько тронул Илону за локоть Борька. – Выходные впереди, и… каникулы не за горами, а ты все хмуришься. Экзаменов боишься или случилось что?

– С чего ты взял?

– Разговаривать не хочешь!

– Тороплюсь!

– Не ври, Гагара! Я ведь тебя насквозь вижу!

– У меня, между прочим, имя есть!

– А чем тебе Гагара не нравится? – довольно искренне удивился Борька. – Меня вон Бульбой до сих пор прозывают. Ну и что! Не сержусь. Пусть хоть горшком назовут, лишь бы в печь не ставили!

Довольный своим юмором, Борька захохотал. Илона только криво ухмыльнулась на его плоскую шутку. Счастливый! Как мало ему для радости надо! Борька, не заметив ее усмешки, продолжал забавлять себя:

– А гагара такая клёвая птица! Так что ты это… зря. – И зашептал прямо в лицо, понизив голос: – Давай вечером встретимся, по душам поговорим, а? Можно ко мне пойти, шампанского по бокалу выпить. Предки на дачу укатили. – Он нервозно подкидывал рукой теннисный шарик и ловко, не глядя, ловил его. Любимое занятие дебилов!

– Я по вечерам занята. Занимаюсь. Так что извини.

Борька не отступал, схватил ее за руку и выдохнул прямо в самое ухо:

– Ведь знаешь, что с детства до тебя сам не свой!

– Отпусти! Слышишь?! – откинула она его от себя плечом. – Лучше бы ты, Тарасов, какого-нибудь пса бездомного своей любовью обласкал!

– Ты мне что, не веришь?! – взорвался Борька.

– Постеснялся бы людей! Вон на нас уже прохожие оборачиваются!

Борька оглянулся. Кое-кто из прохожих, действительно, задерживал на них свой взгляд. В расширившихся Борькиных зрачках сверкнула злость.

– Да я на них плевать хотел! Любому сейчас морду начищу! Чтобы пропал интерес любопытничать!

– Прекрати!

– Все Владьку забыть не можешь?! – с горечью вырвалось у него.

– А тебе-то какое дело?

– Да его кости уж сгнили давно! Нет его, нет! Понимаешь?! А я есть! И люблю тебя! Станешь моей – слово даю – всю жизнь на руках носить буду!

– А ты меня спросил? Мне это надо?!

Но Борька ничего не желал слышать. Ему, как всегда, всеми правдами и неправдами хотелось добиться своего. Завидная целеустремленность! От кого это у него? От папаши, наверное.

– Короче, сегодня вечером в парке! Буду ждать тебя! Точка!

Внутри у Илоны все заклокотало, забурлило. Распустился! Приказывать он ей будет! С детства пытается ею повелевать да запугивать! Ну уж нет! Не выйдет!

– Не жди! Все равно не приду! И никогда твоей не буду! Заруби себе на носу! – И устремилась дальше с такой решительностью, что Борька отступил.

– Не буди во мне зверя, Гагара! – угрожающе прокричал ей вслед Борька. Но, слава богу, кажется, отстал.

Все выходные отсидела дома, хотя на дворе уже вовсю хозяйничал бесшабашный май. Голову дурманил запах зацветающей черемухи, и птицы заливались на все голоса, поддразнивая таких, как она, домоседов. Асфальтовая дорожка, что вела от крыльца к калитке, была давно сухой, а лес, такой свежий, обновленный, манил своей простодушной открытостью. Скоро можно будет спать в мансарде, перестроенной из чердака отцом. Там было два окна. Из одного виден сосновый бор на взгорке, из другого – березовая роща, что простиралась до самого горизонта, где когда-то были совхозные, без конца и края, поля. Теперь, осиротевшие и никому не нужные, они зарастали крапивой, купырём, сурепкой, иван-чаем, меняя свою окраску несколько раз в течение лета. Кое-где уже начинал прорастать кустарник. Из одного окна мансарды можно было наблюдать восход, из другого – закат. Жаворонком Илона не была, восходы наблюдать доводилось не часто, а вот закаты!.

Дом свой Илона любила. Он хоть и небольшой, без второго этажа, но просторный: на троих три комнаты да еще веранда, которая служила им столовой в летнее время. Под окном ее комнаты – палисадник, где цвели бордовые георгины, белые махровые мальвы и даже голубые гладиолусы. Редкостный сорт этот откуда-то привезла мама. За цветами ухаживала Илона. Цветов было много везде: не только в палисаднике, но и вдоль всей асфальтовой дорожки. Правда, здесь она старалась высаживать низкорослые сорта: анютины глазки, бархатцы, петунии. Летом в доме был водопровод. А зимой, как во всех частных домах, воду наливали в умывальник.

Их участок был последним: дальше начинался лес. Уличная дорога за домом сужалась и переходила в тропинку, которая вела на взгорок, в сосновый бор, а потом, извиваясь ужом, спускалась к реке. Березняк начинался за домом и огородом. В нем тоже было очень красиво. Березы необычайно высокие. Их кроны, казалось, упирались в самое небо. Дом был в три раза ниже берез, белые стволы которых почти не имели сучьев. И роща с мансарды просматривалась насквозь до самого поля, которое в начале июня покрывалось золотом одуванчиков. Словом, куда ни глянь – везде такая красота!

Миновав черемуховые заросли, что отделяли их частный сектор от города, оказываешься в совершенно другом мире – умиротворенном, без этой городской суеты, суматохи и бесхозяйственности. Ведь только в городе можно увидеть на обочине дороги заросший травой грузовик или полуразвалившийся каркас недостроенного дома, не говоря уже о мусорных контейнерах, с которыми так безжалостно расправлялся ветер. После выходных в контейнерах скапливалось столько отходов, что крышки уже не закрывались. За ночь ветер разносил все это «добро» на сотню метров. И шедшие на работу люди брезгливо кривились и чертыхались, костя в душе непогоду, безответственное ЖКХ, неряшливых соседей и даже мерзкий понедельник.

В их частном секторе такого не было. Соседи все как на подбор. Дома справные, участки прибранные. Такой порядок Илона видела только в Финляндии, куда лучших учеников школы отправили однажды в летний лагерь.

Захотелось надеть старенькие джинсы, куртку, обуть кроссовки и рвануть на природу – послушать, как шуршит под ногами сухой сероватый мох соснового бора, потрогать рукой теплую шершавую кору старых сосен. Или побродить по березовой роще, слизывая с заскорузлых ран шелковистых стволов сладкие капельки засыхающего сока. И не думать ни о чем! Просто созерцать эту ни с чем не сравнимую красоту, вдыхать, наполняться ее жизненной силой.

Последнее время все чаще поднималось что-то в душе, рвалось наружу. Если бы умела, писала бы, наверное, стихи, но рифмы с ней не дружили. Если какие и проклевывались, то были такими примитивными, как детские скороговорки. Зато у подруги Светланы получалось. Одно из ее стихотворений Илона даже наизусть выучила.

Сгребают листья и сжигают на кострах,
И горьковатый дым слезой застыл в глазах.
Живу я будущим, и прошлого не жаль!
И это дым в глазах моих, а не печаль.

Но память, как костер, горит в душе моей,
И листья желтые как тени прошлых дней.
Ведь даже поезд не проходит без следа,
Так не клянись, что их не вспомнишь никогда!

Вот кому прямая дорога на филологический! Ее, Илону, всегда тянуло к Светлане. И не только потому, что та умела писать стихи. Притягивались друг к другу, словно частицы с противоположными зарядами. Даже внешне они были не похожи. У Светки вон какие светлые кудри, а у нее пряди не понять, какого цвета, словно их темным пеплом кто посыпал. И такие непослушные. Каждый день мыть надо, иначе не уложить, топорщатся во все стороны. А уж про характеры и говорить нечего. Светка покладистая, уступчивая. Со всеми соглашается, а если и бывает у нее другое мнение, высказываться не станет, просто деликатно промолчит. И этого никто не заметит. Даже Борька обидного слова для нее не находил и по прозвищу Татарка, как бывало в детском саду, давно уже не зовет. Такая вот она, Света Татаринова! Плывет себе по течению, как самая безобидная щепка, легко и беспрепятственно. Зато все ее любят: и учителя, и сверстники. Мелькнула мысль: «Зависть это у меня, что ли?» Да нет! Зависть – это когда зла желают. А она разве хочет Светке плохого?

Это успокоило. И все-таки лучше выучиться на школьного психолога. Хотя… какой из нее психолог?! «Отношения с окружающим миром», как любила повторять их бывшая классная Алла Ивановна, выстраивались у нее нелегко. Вот и Борьку взять…

Лежала на тахте и листала книжку с цитатами Великих и Мудрых: «Самый лучший способ защитить себя от проблем – превратить своего врага в друга!» Чушь какая-то! Как можно превратить Тарасова в друга?! Он бы, конечно, рад, только ей как себя пересилить? От одного его развязного голоса в дрожь бросает.

В понедельник в школе Борька ее своим взглядом не точил. Даже когда поворачивалась в его сторону, видела только Борькин выпуклый затылок. Дошло, наверное. Слава богу! Ведь прямым текстом влепила. Чего уж там не понять!

Вечерами выходили со Светкой на прогулку. Чаще всего анализировали поступки и характеры одноклассников. Нет, не «косточки перемывали», как это обычно делали другие

девчонки в их классе. Ведь старались найти не только плохие, но и хорошие черты, даже в Борьке. А что? Трусом Борька никогда не был. Скорее наоборот – все время лез на рожон. От своих проделок не отмазывался. Свою вину на других не валил. Разве что однажды, еще в детском саду. Но это когда было!. На справедливые упреки и даже наказания не обижался. От критики, правда, отмахивался. А кто ее любит? Ни подлизой, ни притворой назвать его тоже было нельзя. Но если посмотреть с другой стороны, откровенный хам и выпендрёжник. И усмехнулась, вспомнив случай, который произошел однажды на уроке истории.

Историк Федор Евгеньевич, хоть возраста довольно преклонного, к девчонкам был заметно неравнодушен, чего не могли простить ему парни. Когда кто-нибудь из девчонок строил ему глазки, он смущался и улыбался, как ребенок, выдавая свою слабость, как говорится, «с потрохами». При этом почему-то начинал поглаживать затылок, на котором еще только и сохранились остатки волос.

Особенно удавалось это Люське Ершовой. Красавицей Люську назвать было нельзя. Обыкновенная простушка, каких в школе, как говорит мама, «пруд пруди». Но вот женские округлые формы не заметить было нельзя – они вызывали затаенный интерес мальчишек и откровенную зависть девчонок.

У Люськи были одни пятерки по истории. Получала она их запросто. Выйдет к доске и начинает выпендриваться. Маленькие глазки свои и скосит, и закатит, а потом взглянет на историка с таким фальшивым умилением, что тошно делается. Парни от смеха катаются. А Федор Евгеньевич по столу кулаком стучит:

– Садись, Ершова, «пять». Не дают слова сказать! Ну-ка, Чижиков, к доске! Повтори, какой я вопрос Ершовой задал!

Беспомощный Витькин взгляд начинал метаться по классу, умоляя о подсказке. Шею вытягивал, как у гуся, и ладонь к уху рупором приставлял, благо, Федор Евгеньевич стоял к нему спиной.

– Садись! «Единица»! На уроке учителя слушать надо, а не рожи строить.

Демонстративно шаркая ногами по полу, Витька шел к своей парте и угрожающе шептал:

– Ну, погоди, Федя! Отольются кошке мышкины слезки!

В классе историю никто не учил. Знали только перечень общественно-экономических формаций, схему смены которых Федор Евгеньевич упорно рисовал на доске почти на каждом уроке. Это был его конек. Что еще нового говорил, никто не помнил. Каждый занимался своим делом. И хотя учитель после очередной фразы повторял: «Тише! Шумно в классе!» – класс не затихал, потому как на замечания историка никто и никогда внимания не обращал. На его уроках все сидели не на своих привычных местах, а пересаживались куда кому вздумается. И даже при этом открыто гуляли по классу. Знали: историк никому жаловаться не будет. Его репутация среди родителей школьников и так была под угрозой. Возмущенные письма шли и директору, и в Управление районным образованием, но там работала его жена. И все заявления бесследно исчезали. К тому же мужчины в школах вообще дефицит. Вот и у них: директор Георгий Иванович, физрук и историк.

Уроки истории директор посещал часто. Но в его присутствии, разумеется, никто никаких вольностей себе не позволял. Хотя один прокол был. Как-то Славка Кравченко, что жил в интернате для ребят из соседних деревень, на урок опоздал и директора, сидящего на задней парте, не заметил. Проходя мимо учительского стола, остановился, погладил Федора Евгеньевича по лысине и, нагло улыбаясь, сказал:

– Вы, Федор Евгеньевич, причесаться забыли. А ведь у нас столько красивых девочек в классе! Стыдно, батюшка! Может, расчески нет? Так подарю. – И демонстративно вынул из кармана расческу да еще стал сдувать с нее прилипшие волосинки.

И тут гробовую тишину разрезал глухой голос Георгия Ивановича:

– А ну-ка подойди сюда, мальцик! – Вместо звука «ч» у директора всегда звучало «ц»: Георгий Иванович был южных кровей.

Славку как ветром сдуло – только дверь хлопнула. Что было потом, гадали всем классом. Несколько дней Славка в школе не появлялся, а когда пришел – рассказывать что-либо категорически отказался. На все докучливые вопросы только отмахивался, из чего следовало, что досталось ему не хило.

И все же измываться над историком в классе продолжали.

Однажды Борька сел сзади Илоны и заговорщицки прошептал:

– Гагара! Давай хохму устроим. Я сейчас тебя буду тихонько по спине линейкой бить. А ты вой подними, отмахивайся, Феде жалуйся, ладно? Он от тебя без ума! Сразу заступаться ринется.

И не успела Илона ничего ответить, как Борька защелкал линейкой по спине, не больно, хохмы ради.

– А что Тарасов слушать мешает! – подала голос она.

И, развернувшись, с превеликим удовольствием звезданула Борьку наотмашь по упругой грудине.

Федор Евгеньевич одним прыжком оказался у Борькиной парты.

– А ну, Тарасов, прекрати сейчас же!

И тут Борька такое выдал!. Вскочил, рванул на груди рубаху, да так, что пуговицы звонко посыпались на пол и заорал словно сумасшедший:

– На, гад! Стреляй в революцию!!!

Федор Евгеньевич отпрянул, а класс после минутной тишины взвыл! Фраза эта была выдрана Борькой из известного сериала, который в ту пору шел по телевизору. И даже Илона не могла сдержать смеха. Борька, довольный своей прикольной шуткой, простодушно лыбился ей, смешно растягивая руками щеки в стороны. Гоготал не только класс – смеялся вместе со всеми и сам историк.

Вот такой он, Борька Тарасов! Притом еще настырный и своенравный до безобразия! Пристанет, как липкая смола к рукам, от которой не отскоблить ладони, чем только ни три! И вообще, если перечислять его «тараканов», на руках и ногах пальцев не хватит. Словом, одиозная личность! Выражение это – «одиозная личность» – Илона узнала совсем недавно. И к Борьке, на ее взгляд, оно очень подходило!

Как он тогда про Владика сказал? «Кости давно сгнили…» Идиот! Владик ему, Бульбе, не чета! И останется в ее памяти на всю жизнь!

В субботу, гуляя со Светкой по парку, все время оборачивалась, словно чей-то неотвязный взгляд колол ей спину.

– Ты что, боишься кого? – спросила Светлана.

– Да ты что! Когда это я кого-нибудь боялась?!

Это было явной бравадой. Поняла, но перед подругой каяться не стала. Вычитала где-то, и врубились слова в душу: «Покайся в своем грехе Богу – и будешь прощен. Покайся людям – и будешь осмеян!»

– А зачем тогда оглядываешься на каждом шагу? – допытывалась Светка. Светкина манера задерживать дыхание перед каким-нибудь щекотливым вопросом Илону всегда раздражала. Наберет воздуха в легкие, откроет рот и замолчит, будто раздумывает, говорить или нет. Вот и сейчас выдохнула: – Ждешь кого-то?

Что пристала?! Видит же, что не хочется ей отвечать…

– Нет! – Прозвучало это резко и грубовато. Подруга обидчиво скосила на нее глаза. – Прости, пожалуйста, – поторопилась извиниться Илона. – Кого мне ждать-то, кроме тебя? Сама ведь знаешь. Просто голова разболелась. Пойду домой, ладно?

Слукавила, конечно. Этот Борька вносил дискомфорт в ее состояние. И хотя явных причин для волнений вроде не было, тревога не исчезала.

– Может, тебя проводить? – предложила Света. – Темно уже. А у вас там такие кусты непролазные.

Их улочка, Молодежная, действительно, пряталась за разросшимися кустами черемухи. Во время цветения аромат черемухи дурманил голову, а летом глазам открывалась ужасная картина. Деревья затягивались паутиной. Какая-то мелкая тля съедала листья дотла. И если бы не паутина, можно было подумать, что на деревья обрушился великий пал, сжигая все на своем пути. Видеть такое зрелище было больно, но кому есть дело до ничейных кустов? Тем более что от уличной дороги их отделяла глубокая канава.

– Так проводить? – переспросила Светлана.

– Еще чего! – отмахнулась Илона. – А потом я тебя провожать буду, да? Ну-ну! Или родителей мобилой вызывать? Мол, мы, тети шестнадцатилетние, боимся темноты? Дурдом! Даже в голову не бери. До завтра!

Однако, проходя мимо кустов, стала невольно прислушиваться к каждому шороху и хрусту. Старалась не озираться. И, отгоняя страх, принялась мысленно стыдить себя: «Ну что, Гагара? Поджилки затряслись? Эх ты, птица вольная! Борьки испугалась! А страхи-то, они притягивают неприятности. Подруг этому учишь. А сама довела себя трусостью до слуховых галлюцинаций!» Только какие там галлюцинации… Опять этот хруст!. Кто там: человек или зверь? Звуки становились все отчетливее. Остановилась, затаила дыхание. И тут на нее сзади кто-то накинулся и крепко зажал рот рукой. В лицо пахнуло перегаром, и пьяный Борькин голос прошептал:

– Молчи, Гагара! Не больно будет! Я для тебя пуховое ложе подготовил.

Сильные Борькины руки потащили ее через канаву в заросли кустарника. Губы склеил липкий пластырь. Вот изверг! Бандитских сериалов насмотрелся. А грубые Борькины пальцы уже скользили по ее голым ногам. И все смешалось в голове: боль, гнев, стыд, отчаяние!

Всплыла в памяти картинка из далекого детства: тот тихий час в детском саду. Взрослые пьют чай в соседней комнате. Борька взасос целует подушку, называя ее женой, и прыгает на подушке самым постыдным образом. А она от ужаса и гадливости натягивает на голову одеяло, чтобы не видеть и не слышать всего этого.

И снова Борькин возбужденный шепот-бред в самое ухо:

– Прости, Гагара! Не хотела разговора – теперь терпи. Уж как получится!

Он опрокинул ее на что-то мягкое, придавил своим грузным телом и стал целовать лицо, шею, грудь. Войдя в раж, на миг потерял бдительность, отпустив ее правую руку. И рука эта, освобожденная из плена, мгновенно нащупала камень. Довольно увесистый, с острыми краями. Крепко сжала камень и изо всех сил размахнулась. И тут отчетливо услышала тихие Борькины слова: «Не боись! Не трону!» Но руку уже было не остановить…

Он вскрикнул и обмяк. Илона пришла в себя, почувствовав на лице что-то теплое и липкое. И затошнило от запаха крови. С трудом выползла из-под Борькиного неподвижного тела и в ужасе вскрикнула, увидев вместо его лица кровавое месиво. Бросилась через канаву на дорогу, раскинув в стороны руки. Ее ослепил свет фар.

– Стойте! Помогите!!! – Это она кричит или ей только кажется?

Машина затормозила. Из кабины проворно выскочили мужчина и женщина.

– Помогите! – еле прошептала Илона. – Я его убила! Он там, в кустах. – И тут же провалилась в какую-то мягкую темноту.

Очнулась в больнице. Возле постели сидела мама. Сразу и не узнала ее. Красивое мамино лицо распухло от слёз, большие глаза превратились в щелочки.

Первое, что спросила:

– Он умер?

– Не волнуйся, жив. Ему сделали операцию. Правда… – Тут мама замялась и почему-то отвела взгляд.

Илона резко приподняла голову с подушки, пытливо уставилась ей прямо в лицо.

– Что?! Говори!

– Глаз, по-моему, спасти не удалось. – Мама торопливо добавила: – Судебного процесса не будет. Борис во всем признался следователю, сказал, что сам виноват. Хотя ты можешь и написать заявление. Тогда уже ему придется отвечать.

Илона застонала и покачала головой. Мама как будто даже обрадовалась.

– Я тоже так думаю, – тихо зашептала она, оглядываясь на больных в палате. – Подальше от этого семейства надо… Про его отца знаешь что говорят? – И наклонилась к самому ее уху: – Всю милицию в кулаке держит. Выгородит он его! Сын ведь!.. Да и мать жалко…

Но Илона замотала головой по подушке. Ну что она такое говорит! Несет какую-то ерунду! При чем здесь заявление? Его отец?! Плевать ей на то, что он кого-то там «в кулаке держит»! Неужели теперь Борька без глаза останется?! Ведь не хотел он ничего плохого!.. И всплыли в памяти его последние слова: «Не боись! Не трону!»

Уткнулась лицом в подушку и больше не произнесла ни слова. И даже когда вошел отец, не повернула головы, сколько он ни уговаривал. И потом несколько дней не открывала глаз, делала вид, что спит. Мама тихо плакала, отец тяжело вздыхал. Уходили не прощаясь.

А через неделю ей разрешили зайти к Борьке в палату. Он все еще был под капельницей. Лицо все в бинтах. Глаза закрыты. Может, спал, а может, как и она тогда, просто не хотел никого видеть.

Тихо присела на стул возле его постели. Он шевельнул губами. Но глаз так и не открыл.

– Я ждал тебя. Прости меня, Гагара, если можешь! И не вини себя. Не надо! Я получил то, что заслужил. И запомни: я… не встречал девчонки лучше!

Илона съежилась. Опять он за свое! Господи! Что за человек такой?! Думала, злиться будет, прогонит. А он!.

Будто прочитав ее мысли, Борька только тяжело вздохнул. И долго молчал. Наконец открыл глаза. Вернее, один глаз, красный и отекший. Но совсем не злой.

– Знаешь, чем больше ты ненавидишь меня, тем сильнее меня к тебе тянет. Злюсь на себя, на тебя, и… ничего не могу с собой поделать! Что это, а? Двенадцать лет уже… Помнишь, в детском саду? Камень в твоей руке!. – Камень?! Какой камень? Про что это он? А Борька тем временем продолжал: – А может, ты ведьма? Ну улыбнись ты мне хоть раз! – Вот глупый, до улыбок ли тут! Вон как ноги дрожат. – Знаешь, как я завидовал, когда ты Владьке улыбалась!

Борька прикусил губу так сильно, что на ней выступила капелька крови. Она протянула руку, чтобы вытереть, но он резко отвернул лицо в сторону.

– Я ведь не хотел тебя обидеть. Думаешь, пригласил домой для чего-то там?. Нет, Гагара! А когда отшила – что-то во мне замкнуло. Много дней за тобой тайком наблюдал. Видел, как ты со Светкой в парке гуляла. Но подойти не решался. Боялся, что такого наговоришь! И в тот субботний день, оставшись дома один, напился с горя! Вот башку и снесло!. Разве мог бы так пугать… в здравом уме? Никогда! Ненавижу себя!

Голос у Борьки был таким подавленным и искренним, что у Илоны на глаза навернулись слезы. И так хотелось верить этим словам! Смотрела на него, а в голове сверлило: «Неужели я и правда могла сотворить с человеком такое? Представить страшно! Камнем по лицу. Изо всех сил! Наверное, так больно было! И будет теперь всю жизнь смотреть на мир одним глазом. Крах всем планам и мечтам. Ведь даже водителем ему уже не стать».

И опять Борька вторгся в ее мысли.

– Не надо меня жалеть! Лучше уйди! – и добавил уже еле слышно: – Прошу тебя, уйди, ладно?..

Но она не тронулась с места, только отвела взгляд. Что он сказал про камень?.. И вдруг пронзило смутной догадкой: так вот оно что! Камень! Мистика какая-то! Как в кино. Раз показали крупным планом ружье – оно обязательно должно выстрелить. Так и тут: камень. Она в детстве однажды нашла камень, подняла его и долго держала в руке. Но ведь не для того, чтобы кого-то ударить или, уж тем более, убить!

И все поплыло перед глазами. И захотелось умереть!

Встала и медленно, спиной, попятилась к двери. Видела, как он закрыл лицо руками, чтобы она не могла видеть его слёз.

Вернувшись в свою палату, плюхнулась на койку и отвернулась лицом к стене. Не ела, не разговаривала, не открывала глаз, не пила таблеток, не позволяла делать себе уколы. Тогда пришли санитары, силой перекинули ее на каталку и повезли в другое отделение. Ей сделалось абсолютно все равно: куда везут, зачем? Хоть сразу в морг. Ни одна мышца на лице не дрогнула бы. Еще лучше. Не брать самой грех на душу.

Потом все-таки ввели в вену какой-то укол. И захотелось спать. Сколько ни силилась окинуть взглядом палату, сделать этого так и не смогла. Веки тяжело опустились на глаза, и сон, словно по мановению волшебной палочки, унес ее куда-то…

Приснилось, будто она птица, гагара. И ей так нужно взлететь. Она бежит против ветра, громко хлопает крыльями по воде. И наконец отрывается от земли и быстро-быстро летит в сторону рассвета.

Вот кто-то осторожно берет ее за руку. Илона с трудом поднимает свинцовые веки. Как ей хочется остаться гагарой! Ну что им всем от нее нужно?!

Женщина-врач, что присела на краешек постели, возраста ее бабушки. Этакий божий одуванчик в белом накрахмаленном колпачке, каких современные врачи давно уже не носят. Лицо маленькое, круглое и чуть припухшее от возраста. Глаза добрые, улыбчивые. Такими, как эта бабулька, в детстве представляла она себе волшебных фей.

Женщина ни о чем не спрашивает, а просто держит ее руку в своих сухоньких ладонях, держит долго-долго. И что странно: от ее рук исходит не тепло, а приятная прохлада, и эта странная прохлада поднимается к груди. И в груди вдруг все задрожало, из глаз хлынули слезы. И уже не сдержать рыданий, громких, отчаянных, безутешных. Хоть пальцы себе все искусай! Не остановиться – и всё! Чей-то шепот, таинственный и завораживающий, велит:

– Ну а теперь рассказывай! Все, как на духу! С самого начала!

Задыхаясь от нахлынувших слёз и какого-то непонятного возбуждения, Илона начинает говорить. Быстро, торопливо, словно опасаясь, что ее не дослушают, прервут, не поверив.

– Это все началось с того камня в детском саду! Не верите? Правда! Я держала его в руке и впитывала в себя его силу! И больше не верила никому, только камню и себе! Он был красивый, этот камень. Разноцветный. Если на него глядеть долго-долго, можно было увидеть и глаза, и нос, и усы. Я с ним даже разговаривала, как с куклой.

Что с ней творится?! Это она говорит или ей показывают кем-то отснятый скрытой камерой фильм?

Вот она сидит на «штрафной скамейке», куда сажали провинившихся на прогулке ребят, изолируя от группы. Сидит одна и крепко сжимает в руке камень. Его шершавая поверхность до боли вдавливается ей в ладонь, заглушая ту, другую боль, от которой не избавиться уже несколько дней. Но она не плачет, даже ночью. Знает, что слезы привлекут внимание ребят и они начнут над ней издеваться еще больше. Она даже не болтает ногами, просто сидит и смотрит на землю, где беспомощно перебирает лапками перевернувшаяся на спину божья коровка. Коровку жаль. Она разжимает затекшую руку, кладет камень на скамейку, с опаской оглядывается на играющих вдалеке ребят, затем на воспитательниц, которые что-то оживленно обсуждают возле беседки, и помогает этой маленькой букашке с черными пятнышками на коричневатой спинке перевернуться брюшком к земле. Но та не торопится улетать. Тогда Илона тихонько шепчет:

– Божья коровка, улети на небо! Там твои детки кушают конфетки. Всем по одной, а тебе ни одной!

Этому научила ее бабушка, папина мама, что живет с мужем, Илониным дедушкой, в деревне. Она много чего знает. Илона жила бы в деревне всю жизнь, если бы мама с папой согласились туда переехать.

Магические слова делают свое дело. Божья коровка выпускает крылья и неспешно взлетает. Илона долго смотрит ей вслед. Но вот рука снова тянется к камню. Нет, она не собирается бросать камень в кого-нибудь из ребят. Это ведь так больно. В прошлом году ей нечаянно попало булыжником по ноге. Был большой и очень больной синяк. Просто ей так тоскливо одной. А с камнем можно даже поговорить.

– Вот отсижу здесь сколько надо и снова стану такой, как все, – тихонько шепчет она камню. – И Тамара Петровна погладит меня по голове. Мальчишки не будут больше обзываться и толкать. И Света снова будет играть со мной.

Но камень молчит. Это ничего. Бабушка говорит, что камни умеют хранить тайны. Ему можно все рассказать. Вот так, шепотом, чтобы никто не услышал.

Хотя к ней давно уже никто из ребят не подходит, не бросает колючки репейника в волосы, не швыряет песком в глаза и даже не называет Гагарой. Прозвище это совсем не обидное. Просто фамилия у нее такая – Гагаринова. Ну Гагара и Гагара! Просто птица, которая плавает. В детском саду у всех прозвища: Васильева называют Васей, хоть он совсем не Вася, а Максим, Лёню Тузова – Тузом, Лену Ершову – Ершихой, Свету Татаринову – Татаркой, хоть на татарку она вовсе не похожа: у татар волосы черные, а у нее – белые. И вообще, Света очень добрая, и они дружат, вернее… дружили! Но после бойкота, объявленного Илоне воспитательницей, Света больше не подходила, а только с какой-то жалостью наблюдала за ней издалека. И даже в тихий час, как прежде, не щекотала ей ладошку, тихонько протянув под одеялом руку. Их кровати-раскладушки стоят рядом.

Сейчас Тамара Петровна строго следит за тем, чтобы никто из ребят не вздумал играть с ней. Бойкот есть бойкот. Он для тех, кто совершает плохие поступки. Она виновата в том, что рассказала отцу про тихий час…

Случилось это несколько дней назад. Обычно во время тихого часа воспитатели и нянечки уходили в младшую группу пить чай. Предупреждали, что в спальнях ведется видеонаблюдение. Что, мол, они, взрослые, хоть и пьют чай, но все видят по телевизору: кто и как себя ведет. Но Борька Тарасов не верил, говорил, что это все – липа, что ничего они не видят, а сидят, как его папа говорит, да сплетничают. И в подтверждение этому однажды взял да встал, а потом и вообще прошел по спальне, правда на цыпочках. Осторожно подкрался к двери, которую на всякий случай воспитатели оставляли открытой, и тихонько прикрыл

ее. Голоса взрослых сразу стали тише и глуше. А Борька принялся кривить рожу, изображая победный восторг.

Потом, нырнув в свою постель, начал вытворять такое, от чего все ребята разом вытаращили глаза и сели в постелях. Борька заявил, что подушка – его жена. Стал крепко тискать ее, целовать взасос, а потом и вообще, сняв трусы, упал на нее животом и принялся как-то странно раскачиваться на кровати. Что было дальше, Илона не видела, потому что натянула одеяло на голову. Ей отчего-то сделалось так стыдно, что лицо запылало и даже волосы на голове взмокли. Она слышала, как хохотали мальчишки, и громче всех Витька Чижиков, а девочки возмущались: «Фу-у-у, дурак!» Но тут послышался голос Тамары Петровны:

– Это кто там озорничает?! Кто спать другим не дает?!

Борька мигом утихомирился, закрыл глаза и притворился спящим. Да и все, кто хохотал, спрятались под одеяла. В спальне воцарилась затаенная тишина. Воспитательница присела на стул возле батареи. Никто не шевелился. Ее присутствие ощущали даже с закрытыми глазами.

Тамару Петровну побаивались в группе все без исключения. Голос у нее был необыкновенно громкий и какой-то стальной. Когда она кого-нибудь ругала, внутри у Илоны все сжималось, словно водили железом по стеклу. Пальцы у Тамары Петровны были грубые и цепкие. Никому из мальчишек не удавалось вырваться из ее рук, даже при сильном психе. От острого взгляда прищуренных глаз воспитательницы сердце у Илоны начинало биться часто-часто, и внизу живота появлялся какой-то холодок. Хотелось скорее зажмуриться, чтобы не видеть ее каменного лица. У Тамары Петровны косил один глаз. И было непонятно, на кого она смотрит, – на тебя или на того, кто стоит рядом справа. Желая это понять, Илона начинала оглядываться по сторонам. На что воспитательница язвительно говорила: «Я *тебе* говорю, *тебе*!» Илона часто хлопала ресницами, но спрятаться от пристального взгляда Тамары Петровны было некуда. Оставалось только опустить голову. Что она и делала.

Тамару Петровну боялись не только дети, но и нянечка, Галина Трофимовна, хоть и была она намного старше воспитательницы. Шея у нее была тонкая и морщинистая, как у черепахи, что жила у них в «живом уголке». Бледные щеки прорезали глубокие складки. Галина Трофимовна сама никогда не повышала на ребят голоса, только пугала: «Скажу вот сейчас Тамаре Петровне! Будешь знать тогда!» Это звучало угрожающе.

Через несколько дней после того злосчастного тихого часа Тамара Петровна поманила ее к себе пальцем. А Илоне почему-то сразу захотелось в туалет. Угадав ее намерение, воспитательница прошипела:

– Куда?! А ну, быстро ко мне! – Сжавшись в комок, Илона приблизилась. – Я вчера разговаривала с твоим отцом. Он сказал, что на тихом часе ребята у нас не спят, а занимаются «черт знает чем», в то время как мы, воспитатели, «спокойно распиваем чаи». – Тамара Петровна в точности передала интонацию отца. Значит, папка все-таки рассказал ей! А ведь она доверилась ему! – Так чем занимались мальчики на тихом часе? – коршуном нависла над ней воспитательница. – Повтори мне то, что ты сказала отцу! Слово в слово. Ну?! – Илона хотела проглотить слюну, но во рту слюны не было. – Что, от вранья язык отсох?! – потрясла ее за плечо Тамара Петровна. – Я спрашивала у ребят. Они все, как один, сказали, что дверь закрылась сама собой от ветра, который влетел в спальню через форточку. И что Тарасов в это время крепко спал и даже храпел. А ты что придумала?! Зачем ты позоришь нашу группу? Да после такого никто из ребят с тобой играть не будет! Кому приятно общаться с вруньей?! И попробуй только еще что-нибудь рассказать своему папочке! Тебя в тот же день отчислят. Знаешь, какая очередь в детский сад? Каждое освободившееся место на вес золота.

Это было правдой. Родители часто говорили дома, что их семье «подфартило». А то бы с кем ее, Илону, оставить? Бабушки жили далеко: одна, бабушка Лара, мамина мама, – в другом городе, работала врачом. Папины родители жили в деревне. У них там и корова,

и поросенок, и куры… Кто будет их кормить? Кто будет за ними ухаживать? В деревню к бабушке и дедушке Илона ездила с родителями только летом. И то всего на две недели. Папа работал электриком. Отпуск у него был небольшой. А маме еще хотелось съездить к морю. У нее от банковских бумаг «пухла голова». Бабушка Лара обычно подсаживалась к ним в поезде. Она тоже любила море. Считала, что морская вода, солнце и воздух помогают человеку здоровым пережить долгую зиму. Как жаль, что лето уже прошло!

Хоть бы Тамара Петровна заболела, что ли! Только где там! Она сама как-то смеялась, что даже вирусы ее боятся, мимо пролетают. Интересно, а свинкой взрослые болеют? Им как-то делали прививки. Ребята сначала боялись подставлять медсестре руку для укола. Но Тамара Петровна пугала: «Вот не сделаете прививки, распухнут у вас шеи так, что будете похожими на поросят. А то еще и хрюкать начнете!» После этих страшных слов Илона в ужасе потрогала шею рукой. Неужели такое бывает?! И первой подошла к медсестре. Хоть игла на шприце была ужасно длинной!

Другая воспитательница, Ольга Васильевна, была моложе Тамары Петровны и не была такой строгой. Но и ей, скорее всего, рассказали про бойкот. Илона как-то подошла к ней и робко заглянула в глаза. Но Ольга Васильевна сделала вид, что торопится куда-то, и, развернув Илону, легонько подтолкнула в спину: «Иди играй!» И ни о чем не спросила. А ведь раньше всегда улыбалась ей и ласково прижимала к своему боку. Сердце у Илоны сжалось. Она побрела в раздевалку и села на низкую скамейку, на которую обычно садились ребята, когда обувались. А за ней – Тарасов.

– Ну что, ябеда? Нажаловалась?! Предательница! Таких, как ты, предателей в войну с немцами расстреливали!

И он стал изображать расстрел. Указательным пальцем целился ей прямо в голову. Илона закрылась руками. Конечно, палец не выстрелит, но все равно страшно. И камня рядом нет. Тогда она изо всех сил сжала рукой деревянный край скамейки. Борька подскочил к ней и дернул за волосы. Не больно, но обидно. А мальчишка продолжал:

– Вот сейчас надаю тебе, и ничего мне не будет. Знаешь, кто у меня отец? Самый главный в милиции! Поняла?

Илона молчала. Отец у Борьки, действительно, был грозным и толстым. Когда он приходил за сыном, такой строгий, в форме, ребята боялись даже нос высунуть из групповой. Хотя чаще всего Борьку забирала из детсада мама. Илоне Борькина мать нравилась. Худенькая, стройная и красивая. Глаза у нее были удивительно добрые, но взгляд кроткий и беспомощный, как у бездомного котенка, которого однажды Илона обнаружила в сарае. Пока бегала к маме спросить разрешения взять котенка домой, он подевался куда-то. Наверное, собак испугался. Папа сказал, что это к лучшему. Мол, котенок бездомный и вшивый. Зачем только папа воспитательнице ее тайну рассказал?! Ведь несколько раз спросила: «Не скажешь никому?» И он кивал, соглашался.

А Борька между тем все не отставал:

– Запомни: я самый сильный в группе!

– А вот и не самый! – не сдавалась Илона. – Лёня Тузов сильнее тебя!

– Ха! – продолжал хвастать Борька. – Нашла сильного! Да он, как мой папа говорит, рыхлый весь. Я его, если захочу, могу одним пальцем на пол завалить. Показать?

Сказать было нечего. Лёня, действительно, был по сравнению с Борькой словно ватой набит. И даже ходил медленно, будто ему было лень передвигать свои толстые ноги. К тому же очень не хотелось, чтобы Борька Лёню на пол завалил.

– Запомни, Гагара! – доверительно прошептал ей Борька, оглядываясь. – Я даже воспитательницы не боюсь.

Это было правдой. Тамара Петровна редко делала Борьке замечания. И никогда не тащила за ухо в угол, как других ребят. Просто грозила пальцем: «Папе скажу!» Лицо у

Борьки сразу становилось каким-то кислым. Он на глазах сдувался, как проткнутый иглой резиновый шар. Тамара Петровна отца Борькиного обожала. В его присутствии воспитательница на глазах превращалась в царевну. Ни с кем из родителей она не разговаривала таким ласковым голосом.

– А чего это ты, Гагара, в раздевалке сидишь? Своровать что-нибудь хочешь? – все не мог успокоиться Борька. Говорил, а глаза у самого смеялись.

Илона покрутила пальцем у виска и тихо попросила:

– Отстань ты от меня! Слышишь? Прошу как человека.

– А ты получше попроси! – откровенно издевался он над ней.

– Это как?

– Поцелуй!

– Тебя?! – в ужасе сморщила лицо Илона.

– Тогда на колени встань! – быстро переиграл Борька.

– Злой ты! – глядя прямо ему в глаза, выкрикнула она. – Вырастешь и будешь бандитом! Будешь людей мучить!

– Глупая ты! – сплюнул ей под ноги Борька и, насупившись, наконец удалился в групповую.

Фильм закончился. Но врач не уходила. Стала ласково гладить Илону по руке. И она снова заговорила.

– Знаете, у меня в детстве были две любимые сказки: «Красная Шапочка» и «Гадкий утенок». Красная Шапочка поражала своей смелостью. Ведь она не побоялась даже Волка! И бабушку спасла. А «Гадкий утенок» – эта сказка про меня. Всегда считала себя на него похожей. Такой же угловатой, неумелой и некрасивой. В детстве просила маму читать эту сказку много раз. Та удивлялась и говорила: «Ты же эту сказку уже давно наизусть знаешь!» Но я упрашивала так слёзно, что она снова начинала читать. А когда мама уходила, я плакала, зарываясь лицом в подушку. Потом слезы кончались, и я принималась мечтать о том времени, когда превращусь наконец из гадкого утенка в прекрасного лебедя. И все откроют рты от восхищения. Все! Даже Борька! Нет, красивой я стать не хотела. И на то были причины…

В детском саду у нас было четыре группы. Обычно во время прогулок все воспитательницы стояли у беседки. Воспитательница младшей группы, ее звали Софьей Семеновной, была очень красивой, такой красивой, что я даже стеснялась смотреть на нее и всегда разглядывала лишь украдкой. Большие раскосые и ярко-голубые, как у куклы, глаза, длинные пышные белокурые волосы, полные и красиво очерченные губы. И только голос у нее был неприятный – какой-то визгливый. Это она предложила ребятам играть в Бабу-ягу, прекрасных принцесс и бесстрашных рыцарей. А когда стали распределять, кто кем будет, Тамара Петровна сказала, что Бабой-ягой буду я. Девчонки, конечно, обрадовались. Никому не хотелось быть злой старухой. А мальчишки сразу наломали веток и стали размахивать ими, заставляя меня бегать от них по площадке. И я бегала, пока они меня не окружили. Мне ничего не оставалось, как спрятаться за воспитательниц. И я невольно попятилась ближе к ним. Мальчишки отстали, побежали успокаивать принцесс. Рядом с беседкой была песочница. Я присела возле нее на корточки и стала что-то чертить на влажном песке. У меня до сих пор сохранилась такая привычка. Если нервничаю, начинаю что-то чертить, не на песке, конечно, на бумаге.

Воспитательницы о чем-то шептались и потом громко смеялись. Софья Семеновна сделала шаг в сторону и чуть не наступила мне на руку. Ойкнула и резко повернулась ко мне. Увидев меня, воскликнула:

– Кто тут под ногами путается?!

– Есть тут у нас одна известная особа! – усмехнулась Тамара Петровна.

– Ты что здесь делаешь?! Подслушиваешь взрослые разговоры?!

От визгливых ноток в голосе Софьи Семеновны у меня сердце забилось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. И ноги перестали держать. Я шлепнулась на песок.

– Поглядите на нее! Как устроилась! – снова возмутилась Софья Семеновна и, схватив меня за руку, оттащила на середину площадки: – Ну-ка, иди играй с ребятами!

– Ну что ты на нее так взъелась, Соня? – попробовала заступиться за меня Ольга Васильевна.

Но Тамара Петровна резко оборвала ее:

– Брось ты, Оля! Соня права. Нечего им возле взрослых крутиться. Детям потакать нельзя. Поверь моему опыту. Допустишь слабину – на голову сядут. Пусть привыкает вместе со всеми играть. А то дикая какая-то.

«Добрые рыцари» только этого и ждали. Снова погнали меня по площадке, щелкая прутьями. У сарая стали хлестать уже не по земле, а по ногам. На ногах вспухли бордовые ссадины. Я очень боялась, что их увидит мама. Когда она пришла за мной, я все старалась опустить подол юбки как можно ниже. Но мама все равно увидела.

– Погоди-ка, погоди! – приподняла она юбку. – Что это у тебя? Кто тебя так?! Тарасов?

– Нет! Я сама. Мы шалаш из веток строили. Вот и поцарапалась, – как можно убедительнее тараторила я.

Мама, поверив, покачала головой.

– Ты у меня как мальчишка! Все тебя на какие-то приключения тянет. Другая бы, как все девочки, в куклы играла. А этой надо какие-то шалаши строить.

Выдумка про шалаш звучала правдоподобно. У дальнего забора детсада действительно были спилены кусты. А ветки никто так и не убрал. Они, похоже, уже засохли, потому что листья пожелтели и скукожились. Мальчишки выламывали прутья из этой кучи.

И про Тарасова маме тоже не соврала. Он правда не бил. И даже не злорадствовал, а молча стоял и кусал на пальцах заусенцы. Это он, Борька, подал «добрым рыцарям» идею отстать от Бабы-яги, пока, мол, воспитательницы не заругались.

Ночью ноги зачесались. Наверное, в прутья была вплетена еще и крапива. Я скоблила кожу до крови. Но не это мешало заснуть. В ушах звучал визгливый голос Софьи Семеновны: «Ты что здесь делаешь?! Подслушиваешь взрослые разговоры?!» Засыпая, я думала: «Нет, лучше уж быть некрасивой, но доброй, чем такой красивой и такой злой».

На другое утро в детский сад я не пошла.

И снова на светлых больничных шторах, как на экране, задвигались тени, на глазах превращаясь в близких ей людей.

– Вставай, доченька! – умоляет ее мама. – На работу опоздаю!

– Я дома буду! – отворачивается она лицом к стенке. – Не буду больше в сад ходить.

– А почему? Тебя кто-то обидел? – допытывается мама.

– Нет.

– Ну тогда прекрати эти фокусы! Знаешь, какой у меня директор строгий! Уволит и глазом не моргнет. Как жить будем? Папиной зарплаты на еду и то не хватит. А ведь еще за квартиру платить надо. Обувь, одежду на какие деньги покупать будем?

– Зато за детский сад платить не нужно будет. Сама могу чай согреть. Буду книжки читать. И дверь никому не открою. Не волнуйся за меня, – все пытается убедить она маму.

– Ты с ума сошла! До лета еще целых три месяца. Да и к школе готовиться надо! В саду воспитательницы с вами занимаются. – И тянет Илону за руку. – А ну, живо вставай!

Но Илона выдергивает руку.

– В группу я больше не пойду! Сказала же!. А насильно отведешь – убегу! И никто меня не найдет!

Мама смотрит на нее оторопело, ничего не понимая. Потом переводит взгляд на часы и хватается за телефон.

– Алексей Владимирович, здравствуйте! Не могу сегодня выйти на работу. Да! Да! Дочь тяжело заболела. Буду вызывать врача и, вероятно, сяду на больничный. Температура? Ой, очень высокая!

Ну мама! Выдумщица! Придумать такое!. Интересно, а что она врачу скажет?

Мама закончила разговор и долго сидела на кухне. Видимо, обдумывала, что делать дальше.

– Знаешь, Илона, когда врач придет, скажу, что ночью у тебя была очень высокая температура. И я не знаю отчего. Пусть обследуют, ладно? Сдадим анализы, сходим на прием к разным врачам. Хорошо?

– Я врать не буду! – совсем по-взрослому произнесла она. – Буду молчать. Скажи, что дочь глухонемая.

– Илона! Ну что ты такое говоришь? – Мамины брови подпрыгнули к самым волосам. И даже ладонь на сердце легла.

– А что? – сморщила лоб Илона.

– Нельзя так про себя!

– А про температуру высокую, значит, можно?

– Ой, горе ты мое луковое!. – вздохнула мама.

«Горе луковое» мама упоминала всегда, когда ответить было нечем. А у Илоны вдруг прорвалось то, что нарывало где-то глубоко в груди:

– Зачем папа меня предал?! Зачем воспитательнице рассказал про тихий час?! Никогда вам больше ничего не расскажу!

И это было ее последнее слово.

Ни мама, ни папа просто никогда не слышали ее. Или делали вид. Они всегда куда-то торопились. Словно жили не в доме, а на вокзале, где царит строгое расписание: еда, уборка, работа, поцелуи. И даже во время коротких и редких прогулок головы родителей были забиты чем-то таким далеким, что никак не соприкасалось с ее миром. На все вопросы отвечали голосом равнодушного автоответчика. И хотелось одного: скорее «положить трубку». Один раз, правда, выслушали до конца – про тот злосчастный тихий час!. И что получилось?! Да лучше бы у нее и правда, как сказала тогда Тамара Петровна, язык отсох!

И все-таки ее родители лучше Тамары Петровны и Софьи Семеновны. Особенно Илона любила те минуты, когда папа с мамой дурачились. Они разом становились такими красивыми! Жаль, что случалось это не так часто. Почему взрослые боятся дурачиться, как дети?

Две недели мама водила ее по разным врачам. Ни на какие вопросы Илона не отвечала. Папа пробовал завести с ней, как он выразился, откровенный разговор. Но она уже досыта наелась этим «откровением». И потому, смерив его укоризненным взглядом, отвернулась. Тогда отец схватил ее за бока и подбросил, как делал это, когда она была со всем маленькой. Но и это не вызвало ее улыбки.

Однажды вечером по дороге в магазин им с мамой встретилась Тамара Петровна. Она, как ни в чем не бывало, потрепала Илону рукой по голове, от чего у Илоны шапка сползла на одно ухо, и любезно спросила:

– Что, дорогая моя, с тобой случилось? Почему в сад не ходишь? Болеешь?

Илона молчала. А что она должна была сказать? Демонстративно водворила шапку на прежнее место.

– Ну, не хочешь говорить со мной – не говори, – с явно показным равнодушием произнесла Тамара Петровна. – Создаешь маме с папой проблемы. Тебе ведь к школе готовиться надо. А ты?! – Тут Тамара Петровна перевела взгляд на маму и натянуто улыбнулась ей, подмигивая. Илона видела, как неловко стало маме. Она зачем-то открыла сумку и стала в ней что-то искать. А Тамара Петровна снова наклонилась к Илоне: – Тебя, между прочим, ребята ждут. Боря Тарасов тут как-то у меня спрашивал: «Почему Илона в сад не ходит?»

Зачем она говорит неправду? Никогда не называл Борька ее Илоной. В лучшем случае – «Гагаринова». А по имени – никогда. Хоть бы скорее эта Тамара Петровна от них отошла! Илона перевернула ногой какой-то камушек и стала его рассматривать.

– Ох и характерец у вашей дочери! – произнесла Тамара Петровна, обращаясь к маме. – Трудно вам с ней будет. Не позавидуешь. Ну а мне придется на ее место другого ребенка брать. Вы уж извините…

Мама только плечами пожала.

– Я понимаю. Простите, Тамара Петровна, мы пойдем, а то магазин закроется.

А потом приехала бабушка Лара. Взяла на работе отпуск на целых два месяца. С бабушкой было хорошо. Они с ней разговаривали подолгу и обо всем. Только не про детский сад.

– Бабуль, а почему мальчишки такие злые? – как-то спросила у нее Илона.

– Ну, не все, наверное, – удивленно взглянула на нее бабушка. – От родителей многое зависит. Мальчики и девочки, конечно, отличаются. И не только ростом, силой и прочим. – Тут она замялась. Но Илона поняла. Мальчики и девочки в старшей группе на горшках вместе уже не сидят. – Вот вырастешь, будут у тебя дети, мальчик и девочка, научишь их уважать, ценить, любить и понимать друг друга.

– Скажи, а маму с папой в детстве этому учили?

Вопрос, наверное, бабушке показался каверзным и явно завел ее в тупик. Видя это, Илона вздохнула и перевела разговор на совсем другую тему.

– Бабушка! А что за птица такая – гагара?

– Водоплавающая, – просто ответила та. – Чуть больше утки, но поменьше гуся. Красивая и независимая.

– Независимая? – удивилась Илона. – Как это?

– Да вот так. Все в одиночку плавает, сама по себе. А по суше передвигается с трудом. Перепонки на лапах большие, как ласты. Зато с такими лапами нырять и плавать удобно.

– А какая она на вид? – Илоне захотелось узнать как можно больше об этих птицах.

– Верх у нее темный, низ атласно-белый. На голове и шее красивый рисунок, – рассказывала бабушка и, перебирая спицами, вязала шерстяные следки. – Однажды мне довелось их увидеть близко-близко. Гнездо, наверное, где-то рядом было, потому и подпустили. Когда к гнезду подходят люди, гагары устраивают шумные «танцы», отвлекая от своего жилища незваных гостей.

– Как это? – снова спросила Илона, осторожно дотрагиваясь до бабушкиной руки, чтобы та отложила вязанье.

И бабушка поняла, отложила спицы.

– Раскроют крылья, вытянутся вдоль поверхности воды и вытворяют такое!. – Глаза у бабушки засветились, словно она вновь смотрела на этот удивительный птичий танец. – Прилетают они парами и остаются верными друг другу. .

При этих словах бабушка почему-то вздохнула. Может быть, ей вспомнился дедушка? Куда он делся – Илоне не говорили. Но раз мама родилась, значит, должен быть. Про то,

что маленьких детей приносят аисты, никто в их старшей группе уже давно не верил. И рассказал всю правду об этом Борька Тарасов. И даже уверял, что видел, как это делается.

Помолчав немного, бабушка с какой-то грустью добавила:

– Трудно им подстроиться под наш бурный век! – И вскинула на Илону смеющийся взгляд: – А почему эти птицы тебя так интересуют?

– Да так!. – так же, как бабушка, вздохнула Илона. Рассказывать о прозвище почему-то не хотелось.

А вместо бабушки перед глазами опять лицо женщины-врача, спокойное и внимательное.

– Как вас зовут? – спрашивает Илона.

– Сусанна Арнольдовна, – улыбается врач. – Странное у меня имя, правда?

«И не только имя», – подумала Илона. Но высказать это вслух не решилась. Еще неправильно поймет.

Не дождавшись от нее ответа, Сусанна Арнольдовна заговорила:

– Знаешь, милая, слушаю тебя и удивляюсь. – При этом она сжала пальцы на руках и покачала головой. – Тебе нужно книги писать. Ты так детально и образно рассказываешь!. Дневник не пробовала вести?

– Нет, – смутилась Илона и отвела взгляд.

– А почему?

– Времени нет, – слукавила она. Но потом все-таки призналась: – А вдруг кто-то прочитает!

– Ах вот оно что! Тогда даю тебе задание: написать, что было дальше. Причем от первого лица. И знай: я все до конца прочту. Посмотрим, выйдет ли из тебя писатель. Чтобы вызвать интерес читателя, профессионал должен «раздеть свою душу догола». Ну а если серьезно, тебе сейчас это очень поможет. Не зря существует такой термин – «арттерапия», то есть «лечение искусством». Думаю, это лекарство сейчас как раз для тебя.

Самым трудным было написать первую фразу. Так же трудно, как прыгать вверх по ступенькам школьной лестницы двумя ногами, не держась за перила. Сто раз перечеркивала первый абзац. Наконец ручка забегала по бумаге.

А потом появился Владик. И я забыла про камень. Мы дружили четыре года. Ловили рыбу, катались на лыжах, делали гербарии и даже сочиняли песни. Владик ходил в музыкальную школу и учился играть на гитаре. Познакомились в школе. Я тогда была еще первоклашкой. И Борька Тарасов чинил мне всякие пакости. То ранец в сугроб закинет, то кнопки на стул подложит острием вверх, то мелом лицо вымажет. Случалось, пуговицы у пальто обрывал. Или, хуже того, – прямо в лицо лягушку кинет. Словом, с детства на всякие проказы мастак был! Мне тогда казалось, что он предательство мое забыть не мог. А вот Владик…

Мы познакомились очень странно. Как-то во дворе после уроков Тарасов, пробегая мимо, толкнул меня в лужу, грязную, с мазутными разводами. Не случайно – нарочно! И белые колготки, и белая куртка сразу превратились… сами знаете во что! Но я не плакала. Стояла в луже и смотрела ему вслед. Нельзя привыкать к плохому, но иногда такое происходит. И вдруг глазам предстала странная картина: парень из четвертого класса догоняет Борьку и опрокидывает в лужу. И тоже не случайно! А потом подходит ко мне и протягивает руку:

– Давай выходи из воды! Тебя как зовут?

– Гагара, – говорю.

– Разве такое имя бывает? – недоверчиво улыбнулся он.

– Это не имя – прозвище. Я – Гагаринова. А зовут Илоной.

– У тебя предки не из Прибалтики были?

Я только плечами пожала. Кто такие «предки»? И где эта «Прибалтика»?

– А чего ты этому обормоту сдачи не дала?

Мне оставалось только вздохнуть. Дай Борьке сдачи, как же! Не только в лужу – в туалет головой окунет! Но жаловаться почему-то не хотелось.

– А ты в другой раз учительнице скажи. Пусть его накажут.

Я покачала головой.

– Не накажут. У него папа в милиции работает. Важный такой!.

– Ну и что! – настаивал Владик. – При чем здесь его папа? Слабак этот пацан, раз девчонок обижает. Ты его проделки не терпи, мне скажи. Так и заяви: «Владьке из четвертого „Б“ скажу! Он с тобой разберется!» Усекла?

– Сама разберусь, – пробурчала я. – Вот возьму в руки камень!.

– Так нельзя! Камнем можно насмерть убить! – Прозвучало это резонно. – Его просто потрясти как следует нужно, чтобы на месте от страха описался. И я это сделаю, если увижу, что он тебя еще хоть раз пальцем тронет!

Я кивнула, но не очень уверенно. Когда еще он увидит? Ведь в разных классах учились.

Однако Тарасов с тех пор мучить меня перестал. И целых четыре года мне жилось относительно спокойно. Привычкам своим Борька, конечно, не изменил – пытался зацепить гадкими словами, но трогать не трогал.

А Владька – он таким добрым был! У него всегда глаза улыбались. До сих пор мне в человеке нравятся только глаза! Все остальное не так важно, а вот глаза!. Никогда меня Гагарой не называл. Ему мое имя очень нравилось. Каждый день меня после уроков ждал, чтобы домой проводить. Он жил в пятиэтажке, что перед самыми черемуховыми кустами. Идя по этой пустынной части дороги, мы всегда держались за руки.

– Ты одна здесь не ходи, – как-то сказал мне Владька. – Плохое это место.

Словно обладал даром предвидения. И даже тогда, когда перешел в пятый класс, в начальную школу к нам все время приходил. Не к кому-нибудь из мальчишек, а ко мне!. Ребята, конечно, дразнили. А Владик говорил:

– Ты на них внимания не обращай. Погавкают, погавкают и отстанут. Лично мне их мнение – тьфу! Что мыльные пузыри. Пусть себе летают. Каждый человек сам знает, что ему нужно. Тебе ведь хочется со мной дружить? – Еще бы! Я только смущенно улыбнулась. – Ну вот. А дразнят они от зависти. Им тоже хочется вот так с кем-нибудь за руку ходить. Правда?

Я соглашалась. Да и как тут было не согласиться? Он вслух произносил то, о чем я думала. Только раньше я не понимала, что такое «родственные души».

А потом его не стало. В шестом классе избили ни за что ни про что! Не ребята – взрослые. Его папа в суде работал. Какие-то там разборки. Он рассказывал, что отцу угрожать стали: мол, сына инвалидом сделаем. Но Владька не верил, что это может произойти. Однако произошло!

А через год у него цирроз печени начался. Это я сейчас понимаю про диагноз, а тогда… Просто скучала, пока он в больнице лежал. Помню, ничего не хотелось: ни играть, ни в школу ходить, ни уроки делать. Все, что требовалось, делала машинально, как робот. Потому что «НАДО!». Может быть, кто-то надо мной посмеется, но все равно скажу: дети тоже умеют любить! И может быть, даже сильнее, чем взрослые.

Его лечили не у нас – в Москве. И только потом перевели в районную больницу. Когда мне разрешили Владьку навестить, я на крыльях туда летела, как настоящая гагара! Вошла в палату и его не узнала. Мы ведь целое лето с ним не виделись. Меня родители на все каникулы к бабушке с дедушкой в деревню отправили. А он за лето таким худеньким стал… И даже ростом ниже. То ли я подросла, то ли так болезнь человека съедает. Пока в больнице

был, мы с ним из трубочек для капельниц всякие украшения плели. Секретничать не будешь: не один он в палате. Больные уши тянут, к нашим разговорам прислушиваются. А вот когда домой выписали, о многом уже поговорить могли. Как сейчас, помню его слова:

– Никогда никого и ничего не бойся! Страх уродует не только душу, но и тело человека. Знаешь, какие у страха жалкие глаза! А если у тебя внутри есть уверенность и сила, это сразу во взгляде отражается.

Приду, бывало, от него домой и долго свои глаза в зеркале разглядываю. Есть ли в них сила? А он каждый день таял, как снег весной. И что удивительно: на боли никогда не жаловался. Только глаза такими большими становились, как у стрекозы. Так и хотелось в них смотреть, смотреть, смотреть!.

А за пять дней до смерти его мама к нам пришла. Говорит мне:

– Зайди к Владику сегодня, пожалуйста. Зовет он тебя, сказать что-то важное хочет.

С постели он уже не вставал. И даже голову от подушки не поднимал. Но, увидев меня, заулыбался, поманил рукой и прошептал:

– Проходи. Очень хотел тебя увидеть. Никого больше – только тебя! Ты самая лучшая девчонка на свете! – И стал гладить мою руку. А рука у него стала такая тоненькая, легкая, как сухая бамбуковая палочка. – Ты настоящая принцесса!

При этих словах у меня из глаз брызнули слезы. Меня никто еще никогда принцессой не называл! Чтобы справиться со слезами, закрутила головой. И увидела на стуле рядом с кроватью новый ранец, а на плечиках – новую школьную форму. Ведь приближалось первое сентября. Родители хотели вселить в него надежду, что все будет хорошо и он поправится. Но Владик этому уже не верил. Кивнув на обновки, грустно улыбнулся:

– Это родители всё себя тешат. Ну да ладно, Ванька сносит! – Ваней звали его младшего брата. И снова стал поглаживать мои пальцы. – Ты, Илонка, не переживай, когда меня не станет. На небо чаще смотри. Там будет моя звезда. И оттуда тебе помогать буду! Помни: я всегда рядом!

До сих пор не могу понять, как он, восьмиклассник, мог такое говорить?! Словно ему не четырнадцать лет, а тысяча! И он знал то, чего не знают другие!

На похоронах я не была. Поднялась высокая температура, даже бредить стала. Перед глазами проплывала все одна и та же картинка. Проплывала медленно, исчезая за горизонтом и вновь появляясь с какой-то другой стороны. Я – верхом на деревянной лошади-качалке, которую мне, кстати, Владик подарил. «Вырос, – говорит, – я из детского возраста. Ванька – тоже. Пусть тебе послужит». Лошадь белая, с зеленой уздой. Он раскачивает ее, потягивая за уздечку, а я скачу! И весь мир несется куда-то вместе со мной. Где там гадкий утенок? Нет его! Есть принцесса со звездой во лбу верхом на лихом скакуне и с длинным шлейфом тумана за спиной…

Врач отложила написанные странички и долго молчала. Умение Сусанны Арнольдовны так долго молчать поражало Илону. Будто никуда не торопится. Другие врачи все делают на бегу, а тут…

И тогда она первой нарушила паузу:

– Скажите, почему я становлюсь причиной несчастий других людей? Я ведь никому не желаю плохого! Просто защищаюсь. Или хочу защитить других. Ведь я имею на это право? Скажите, ведь имею?!

Но ответа не последовало.

Перед глазами снова демонстрировали фильм. Новая ступенька. Девятый класс.

Звонок на урок прозвенел давно, но шагов Аллы Ивановны в коридоре слышно не было. Обычно металлические набойки ее каблуков цокали по старому сухому паркету, как лошадиные подковы по каменной мостовой.

– Хоть бы заболела она, что ли! – раздался с последней парты унылый голос Витьки Чижикова. – А то вбежит сейчас и с ходу начнет всем мозги вправлять: «Почему учебники не открыты?! Что на партах развалились?! Не класс, а сборище идиотов! Недоумки! Разгильдяи! Тупицы!»

Витька интонацией передразнил Аллушку, как они меж собой звали классную. Передразнил так точно, что все парни разом заржали. Девчонки молча усмехнулись. Витька вошел в раж, и даже ершик его коротко остриженных волос вспотел: «Что ржете как лошади?! Правда глаза колет?! Бестолочи безмозглые!» – продолжал прикалываться он, копируя учительницу.

В чем-то Витька, конечно, был прав. На обзывки и смачные эпитеты Алла Ивановна никогда не скупилась. Они сыпались из ее маленького ротика, как из рога изобилия, подтверждая прочно вбитую школьникам в головы цитату о «богатстве великого русского языка». Русский язык Алла Ивановна конечно же знала превосходно, и он был ребятам интересен, а вот литературные произведения, которыми она все пыталась их заинтересовать, читать почему-то не очень хотелось. Сюжет вроде бы и любопытный, но едкие замечания классу во время чтения классики, как надоедливая реклама по телевизору, перечеркивали все ее благие намерения.

Чижиков однажды даже записал часть урока на диктофон. Вот хохма была!

Проходили комедию Фонвизина «Недоросль». Восемнадцатый век. Один язык чего стоит! Каждая фраза звучала так прикольно, что класс прямо-таки давился смехом. А Аллушка решила еще по ролям читать – это всегда доставляло ей великое удовольствие – и стала роли распределять:

– Госпожа Простакова – Гагаринова. Еремеевна – Федотова. Митрофан – Чижиков. Скотинин – Тара со в.

Борька взвыл:

– Да не буду я Скотининым! Назначьте Кравченко! Его давно не вызывали.

– Прекрати, Тарасов! – начала заводиться Алла Ивановна. – Одну фразу ему не прочитать, видите ли!

– Сказал, не буду! И точка!

– Нет, вы только посмотрите на него! Это же классика! Комедия!

– Вот пусть Кравченко и комедиянит! – уперся Борька.

Аллушка с досадой махнула на него рукой. И скомандовала по привычке, не глядя, ткнув пальцем в какую-то фразу:

– Начинай, Илона!

– «Выйди вон, скот», – стала читать Илона роль госпожи Простаковой и зачем-то при этом обернулась на Борьку. Видит бог, не хотела смотреть на него, да как-то машинально получилось.

– И ты туда же! Ну Гагара! – неожиданно для всех завопил Борька. – Сказал, не буду Скотининым! А выйти – выйду! Причем с превеликим удовольствием.

Текста у Борьки не было. Он принял слова матери Митрофанушки за едкую реплику Илоны в свой адрес. Что тут началось! Рев поднялся такой, что Аллушкины ярлычки типа «неучи!», «идиоты!» захлебнулись во всеобщем гоготе. Борька, ничего не понимая, психанул еще больше и выбежал в коридор, хлопнув дверью так сильно, что штукатурка посыпалась из-за косяка.

Наконец класс кое-как угомонился. Но это затишье было сродни тому, что является предвестником дикого шторма.

– Госпожа Простакова! Что спишь? Продолжай читать! – сварливо накинулась на Илону учительница.

Илона с перепугу пропустила часть текста и истошно запричитала, входя в роль матери «недоросля»:

– «Ах, Мати Божия! Что с тобою сделалось…» – и только хотела добавить: «…Митрофанушка?», но не успела: стекла классной комнаты испуганно зазвенели от нового взрыва истошного хохота.

– Следующий! – старалась перекричать всех Аллушка. – Митрофанушка! Что молчишь, ворон ловишь?!

– «Так, матушка. Вчера после ужина схватило», – рьяно вошел в роль Витька, уже нарочно вырывая из контекста пьесы наиболее удачно подходившую к этой хохме реплику.

Тут уж, наверное, впервые за всю свою педагогическую практику захохотала и сама Алла Ивановна. Хохотала до слёз, уткнувшись головой в учительский стол. Потому что такого и нарочно не придумаешь.

Еще целую неделю на переменах то тут, то там летали расхожие фразы из знаменитой комедии:

«Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил».

«Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку».

«Ну, беда моя! Сон в руку!»

«Обойми меня, друг мой сердешный! Вот сынок, одно мое утешение».

«Поди порезвись, Митрофанушка».

Ролевое чтение привело к курьезу и при изучении «Бедной Лизы» Карамзина.

Сначала Аллушка читала текст сама. Читала с выражением, голосом нежным, кротким, который никак не вязался с ее замечаниями, а уж тем более с грубыми оскорблениями в чей-нибудь адрес.

– «Вдруг Лиза услышала шум вёсел – взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке – Эраста. Все жилки в ней забились, и, конечно, не от страха».

– А отчего? – прилетел откуда-то с галерки ехидный шепоток.

– Заткнись, Чижиков! – тут же среагировала Аллушка. – Думаешь, не узна́ю твой голос?!

– Это не я! – возмутился Витька. – Как что – сразу Чижиков!

Аллушка снова уткнулась в текст.

– «Они сидели на траве, и так, что между ими оставалось не много места, – смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: „Люби меня!“…»

И не успела она прочесть фразу до конца, как кто-то поспешно добавил:

– Гагара!

По классу забегал пошлый смешок. Аллушка прервала чтение и долго молчала, скользя по классу презрительным взглядом.

– Пошляки! Автор описывает трогательную любовь юной и чистой девушки. Но вам не дано этого понять! Вы развращенные и жестокие, как этот Эраст, которому она так доверилась, по святой наивности своей!

Учительница тяжело вздохнула и снова стала читать:

– «…и два часа показались им мигом. Наконец Лиза вспомнила, что мать ее может об ней беспокоиться. Надлежало расстаться. „Ах, Эраст! – сказала она. – Всегда ли ты будешь любить меня?“ – „Всегда, милая Лиза, всегда!“ – отвечал он. „И ты можешь мне дать в этом клятву?“ – „Могу, любезная Лиза, могу!“ – „Нет! Мне не надобно клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу?“»

– Запросто! – снова раздался чей-то циничный комментарий.

И Аллушка хлопнула учебником об стол.

– Бездушные твари! Вы топчете все самое святое! Заплевываете все самое светлое!

От негодования у нее нервно задергалась мышца под левым глазом. Какое-то время она возбужденно ходила возле учительского стола. Потом схватила книгу и стала искать глазами текст. Но сама читать не стала, вызвала к доске Катьку Федотову. Та закатила глаза под самый лоб, но к доске вышла.

– Вот отсюда начинай! – сердито ткнула Аллушка в текст пальцем и отошла к окну.

– «…Мрак вечера питал желания – ни одной звездочки не сияло на небе – никакой луч не мог осветить заблуждения. Эраст чувствует в себе трепет – Лиза также, не зная отчего, не зная, что с нею делается… Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где – твоя невинность?» – выводил Катькин блеющий голосок. Она с усердием старалась подражать Алле Ивановне.

– Словесная порнуха! – шепотом выдал Лёня Туз.

– Кто это сказал?! Встаньте! – велела Аллушка.

И снова ее негодующий взгляд забегал по их лицам. Но разве возможно найти иголку в стогу сена?

– Тарасов! Ты?! – устремилась учительница к Борькиной парте.

– Почему вы так решили? Потому что все в пол смотрят, а я на вас?

– Не дерзи! Ты не забыл, с кем разговариваешь?!

– С вами! Вы спросили – я ответил! Что из того?

– Наглец! Ты дома так отцу своему отвечай!

– А вы мне отцом не тычьте! Дети за родителей не в ответе!

И неизвестно, чем бы закончилась эта перепалка, но тут раздался спасительный звонок. Аллушка с явным облегчением стала быстро записывать на доске домашнее задание. Потом, развернувшись к классу, мрачно изрекла:

– Прочтете и узнаете, чем все это… обычно заканчивается.

Илона прочла. Но особых чувств история бедной Лизы у нее не вызвала. Как-то уж больно сентиментально, а потому верится с трудом. И зачем Алла Ивановна стала это читать в классе? Лучше бы на дом задала, а потом уж обсуждали на уроке. Не такой уж у нее актерский дар, чтобы подражать голосу юной особы из прошлых веков. И все эти слащавые эмоции в мясорубке Аллушкиных ругательств превратились в совершенно безвкусный винегрет!

Люба Прохина, самая, пожалуй, начитанная девчонка в их классе, утверждала, что многие хлесткие выражения Аллушка придумывает сама. Мол, у нее, как у носителя языка и учителя словесности, на этот счет редкое природное дарование. Но мужское самолюбие мальчишек эти «творческие изыски» классной дамы не приветствовало. И на это ее «природное дарование» им было, прямо скажем, глубоко наплевать.

Любе Прохиной нравился Тарасов. Правда, ничем таким она себя не выдавала, но все же однажды Илона поймала ее восхищенный взгляд, брошенный в Борькину сторону. И задумалась. По стати они, конечно, друг другу подходили. Любка везде и всегда держалась королевой. Но! И осанка, и лебединая шея, и медленные, полные величия повороты головы, и даже ее заумные фразы – все это плыло мимо Борькиного внимания. Илона часто ловила на себе Любкины ревнивые взгляды.

– Нет, Чижик! – возразил Сашка Кравченко. – Пусть бы лучше Аллушка копыто сломала! Тогда бы не неделю, а несколько месяцев отдыхали. Вот бы расслабились!

– Зачем зла человеку желать?! – возмутилась Света. – Самим же потом хуже будет. Проболеет, а потом начнет гнать как сумасшедшая. Вы же ее знаете. У Аллы Ивановны гипертрофированное чувство ответственности.

– Светка права! – поддержал ее самый мелкий в их девятом «Б» классе Вовка Денисов. – Аллушка потом всех, действительно, загонит. Сейчас нас на замену ей математикой до одури накормят, а потом каждый день будем сочинения по ночам строчить. Так что, как говорит мой мудрый дед, «хрен не слаще редьки»!

Про Вовку Денисова следует рассказать отдельно.

Он появился в их классе как-то неожиданно, посреди учебного года. Пришел на урок вместе с Аллой Ивановной.

– Денисов Владимир – ваш новый одноклассник. Прошу любить и жаловать! – представила она его классу. – Он приехал к нам из Воркуты.

– Ух ты! Из Воркуты! – хохотнул Чижиков, делая ставку на удачную рифму: «Ты» – «Воркуты». – И каким же ветром его к нам занесло?

– Чижиков! Перестань паясничать! – приструнила Витьку учительница.

– Алла Ивановна, а он случайно классом не ошибся? – подхватил хохму Тарасов. – Уж больно ростом маленький. Может, ему не в восьмой, а в пятый надо? – И закрутил головой, ловя взгляды одноклассников, – оценят ли его остроумие?

Но классу нападать на новенького явно не хотелось. Что-то было у него во взгляде такое, что вызывало невольное уважение. Илона сначала не поняла, что именно. И только потом дошло. В глазах новенького не было страха. Потому и вел он себя так, будто не чувствовал на себе любопытных взглядов тридцати пяти пар глаз.

– Уймись, Тарасов! – погрозила Борьке пальцем Алла Ивановна. – И вспомни русскую народную пословицу: «Мал золотник, да дорог!» И наоборот: «Велика фигура, да…»

Она не договорила, за нее договорил Кравченко:

– «…да дура!» Это про тебя, Бульба!

– Заткнись! – рявкнул Борька.

– Борис, это домыслы Саши Кравченко. Я не тебя имела в виду. Кстати, в характеристике у Володи написано, что он имеет большие способности к математике. Сядешь на вторую парту, – кивнула она в сторону Илоны. – Надеюсь, Илона не будет возражать?

Илона пожала плечами, мол, а мне-то что, и подвинулась, освобождая место новенькому. Из-за спины донесся ядовитый Борькин шепот:

– С ней рядом сидеть опасно. Она своих приближенных на тот свет быстро отправляет!

Много подколок глотала от Тарасова, но тут вдруг чаша терпения переполнилась. Встала и, подойдя к Борьке, изо всех сил хлестко вмазала ладонью по щеке. От неожиданности Борька на минуту «завис». Девчонки ахнули. Парни почти в голос протянули:

– Вот это да-а-а-а!

– Ну Гагара! Перед новеньким выпендриваешься?! – наконец опомнился Борька.

Но Илона уже садилась на свое место и сделала вид, что не слышит.

– Прекратите немедленно! Что за мафиозные разборки?! – опомнившись, закричала классная. – Развели тут на уроке неизвестно что! Не класс, а сборище хамов! Хоть бы новенького постеснялись! И это при классном руководителе! Вот возьму и соберу экстренное родительское собрание! Не мам, а пап! И пока все папы не придут – не буду вести уроков!

– Мне повезло: у меня бати нет! – зевая во весь рот, оповестил всех Лёня Туз.

– Дай Бог терпения! – как на убогого, посмотрела на Лёньку Алла Ивановна.

И, выпустив, что называется, пар, классная перешла к проверке домашнего задания.

Новенький вел себя так спокойно и естественно, что очень быстро стал в классе «своим в доску», хоть голос подавал редко. Видно, был из тех, кто хорошо знает цену словам. И ребята к нему прислушивались. Несмотря на то что ростом он был Тарасову по плечо, а Тузу и вовсе по грудь, на все Борькины подколки отвечал с таким юмором и достоинством, что часто ставил Бульбу в тупик. Другим ребятам это удавалось крайне редко. Илоне особого внимания Вовка не уделял. Как однажды выразилась Светка, «дышал в ее сторону совершенно спокойно». И очень скоро Борька потерял к нему сопернический интерес.

Вот и в тот день Вовкины слова заставили класс задуматься. Стоит ли недобрым посылом «ломать Аллушке ноги». Все-таки мысли материальны.

– Вообще-то Аллушка не такой уж и злыдень, – как всегда беспристрастно, констатировал Лёня Туз. – Бывают учителя в сто раз хуже. Взять хотя бы математичку. Улыбаясь, будет «единицы» в пятки вшивать. А на вид сама доброта. У нашей же Аллушки слова впереди мыслей скачут. Вот в чем ее беда.

Илона озадаченно склонила голову набок. Однако!. Неужели все толстые люди такие добрые? Лёньку ей всегда было почему-то жалко. Еще в детском саду ребята часто щипали его за бока и хором кричали: «Жир! Жир! Жир!» И даже Тамара Петровна, видя его неуемный аппетит, шлепала по руке: «Тузов! Пореже ложкой работай! Пореже!» А бабушка Лара, как врач, объясняла это так: «Сахарный диабет. Нарушен обмен веществ. Бедный ребенок!»

– Но с обзывками классной как-то все-таки надо бороться! – вывел Илону из задумчивости вкрадчивый голос Катьки Федотовой. – Только как? Вопрос!

Ну Катька! Тихоня тихоней, а тоже вон как воду мутит! Видно, Аллушкины эпитеты всех уже достали. И вдруг осенило:

– А что, если после самой первой обзывки всем классом встать?! В знак протеста! – быстро заговорила Илона. – Просто молча встать – и всё! Может быть, тогда она поймет и укоротит свой язык?

– Мысль неплохая! – закрутил головой Чижиков, ища поддержку у парней. – Молодец, Гагара! Иногда котелок у тебя варит.

– Да уж «варит»! Какая ты умная, Гагара! – сразу же наехал на нее Борька. – Ну встанем, а дальше что? Так и будем, как истуканы, стоять целый урок? На фиг это надо!

– Почему целый урок? – не сдавалась Илона. – Попросим ее извиниться. А после того как извинится, сразу сядем.

– Да ладно тебе, Гагара, лапшу нам на уши вешать! Жди! Извинится она! Нашла дуру! Будет Аллушка подрывать свой педагогический авторитет! Что-нибудь такое придумает – мало не покажется. Первая сдрейфишь и сядешь как миленькая. Аллушка знает, чем, кому и как пургу нагнать! – не сдавался Борька.

– Борис прав! – поддержала Тарасова Любка Прохина. – По-детски как-то!

Но тут раздался тихий голос Вовки Денисова.

– Зря ты, Бульба, идею Гагары на корню режешь, – задумчиво, как бы сам с собой, стал вслух размышлять он. – В этом что-то есть! Представьте картину: Аллушка: «Бездари!», а мы – хоп! – и все, как один, дружно встаем. У нее язык от неожиданности отнимется. Точняк!

– А кто извинения требовать будет? – ехидно улыбнулась Люська Ершова.

Полные плечи ее так и затанцевали, так и заподпрыгивали. До чего ж коварная! Вон как по классу глазами стреляет. Выискивает жертву. А сама, как всегда, останется в стороне. Это уметь надо!.

А Люська уже сверлила Илону острым взглядом.

– Хотя… чья идея – тому и карты в руки. Или ты, Илонка, за пятерки свои боишься?

– Не боюсь! – решительно тряхнула головой Илона. – Надо – скажу!

– Посмотрим! – многозначительно подытожила Любка Прохина.

– Заметано! – весело изрек Борька, потирая руки. – Проведем эксперимент!

– Ох как головы полетят! – хохотнул Чижиков. – Я с собой видеокамеру принесу. Такое не запечатлеть для потомков – грех!

В коридоре послышались мужские шаги. Все головы в классе разом повернулись к двери. И стало слышно, как жужжит толстая муха на оконном стекле. В дверях показалась голова физрука, Геннадия Ивановича.

– Девятый «Б»! На физкультуру. Литературы не будет. Алла Ивановна заболела.

– Ура!!! – зычно раздалось со всех сторон.

– Мол-чать!!! – по-военному рявкнул физрук. – Уроки идут! На площадку выходим, и тихо! Кто не понял – в команду по волейболу не войдет, будет сидеть на скамейке болельщиков.

Но и игра в волейбол не выветрила из голов девятого «Б» идею Илоны противостоять оскорблениям учительницы. И даже Борька Тарасов уже не выискивал аргументы «супротив», а только на всех переменах злорадно подначивал:

– Гагара! Слабо грудью на амбразуру? А?!

Но Илона, смерив его спокойным и полным достоинства взглядом, молча отворачивалась. После смерти Владика Борька снова стал проявлять к ней повышенное внимание. Уставит на нее свой смеющийся взгляд и гипнотизирует. Правда, близко к ней теперь не подходил. Помнил, наверное, тот хлесткий удар по щеке.

Дружба с Владькой многое изменила в характере Илоны. Самое главное, исчез этот вечный страх. И не просто исчез… Иногда из нее теперь, как однажды выразился отец, даже «драка лезла».

Подруга Светка как-то призналась:

– Знаешь, Илонка, ты так изменилась, совсем другой стала!

– Какой? – искренне удивилась Илона.

– Как будто у тебя опять тот камень в руке. Ну, помнишь, бойкот в детском саду? Ты ведь тогда камень в руке держала. И мальчишки, даже Борька, боялись к тебе подходить.

Илона не ответила. А что тут скажешь? Было дело. Но камень-то не для защиты держала. А ну ее, Светку, пусть что хочет думает.

– Нет, правда! – задумчиво рассуждала подруга. – Просто ты себя со стороны не видишь. У тебя такой взгляд…

– Какой? – снова пытала ее Илона.

Светлана растерянно пожала плечами.

– Ну, такой… Мне трудно это объяснить. Словно ты человека насквозь видишь. И от этого как-то жутко становится. От твоего взгляда даже учителя смущаются. – Илона усмехнулась. – Да-да! Ты не смейся! Я это замечала. Аллушка, и та перед тобой пасует!

– Да ну тебя! – отмахнулась Илона. Но самолюбию это польстило.

Аллушка появилась в школе недели через две. Вся она была какая-то домашняя, обмягшая, словно из нее вышел не только вирус гриппа, но и еще что-то такое, что мучило и донимало ее в личной жизни. Класс, настроенный на эксперимент, разочаровался. А Тарасов высказал вслух пошлую догадку:

– Может, мужик у нее завелся?

Парни одобрительно загоготали. И только Вовка Денисов не купился на шутку Бульбы.

– Скорее всего, мысли наши читать научилась, – тихо озвучил он свои предположения.

– Ну дела! Что, в классе «идиоты», «бестолочи», «придурки» перевелись?! – хохотнул Чижиков.

И только Люська Ершова мыслила иначе.

– Это она после отдыха спокойная такая. Вот пройдет неделя-другая – посмотрим, как заговорит, – обвела она лукавым взглядом лица одноклассниц. И оказалась права.

Перед самым концом первой четверти Аллушка снова стала лютовать.

– Смотри, Гагара! – напомнил Борька Тарасов. – Если Аллушка кого-то оскорбит и ты не встанешь в знак протеста, при всех в лицо плюну за глупую идею и пустые обещания! Усекла?

Даже спиной Илона чувствовала недобрые взгляды одноклассников. Но отвечать на Борькин словесный вызов до поры до времени не сочла нужным.

И момент настал. Парни, словно сговорившись, стали испытывать Аллушкино терпение. Громко перешептывались, нарочно с грохотом роняли на пол тяжелые предметы, и даже кто-то умудрился мяукнуть. В классе зафыркали в кулак.

Аллушка в истерике стукнула указкой по столу так, что деревянный конец ее сломался и ударился о стекло оконной рамы. И тут же крашеные губки учительницы начали выплевывать уже подзабытые всеми обзывки:

– Гнусные твари! Бездушные и черствые!

Илона решительно встала, с шумом отодвинув стул. За ней, как по команде, поднялся весь класс. Губы учительницы сомкнулись в гузку. Она даже отпрянула к доске. С минуту в классе царила могильная тишина. А в голове у Илоны пронеслось: «Посчитать бы эти словесные изобретения. Интересно, на словарь хватило бы?» И все-таки есть телепатия, кто бы это ни отрицал. Иначе бы не устремила на нее свой изумленный взгляд Аллушка! В глазах классной застыл ужас. Илоне почудилось, будто всю школу затягивает в какую-то безмолвную черную дыру. От гробовой тишины, нависшей над классом, стало звенеть в ушах. Но она продолжала в упор смотреть прямо в глаза учительницы.

– Это что, бунт? – сдавленно прошептала та.

– Извинитесь, пожалуйста, Алла Ивановна! – спокойно и твердо произнесла Илона. – И больше никогда нас не оскорбляйте! Накажите того, кто виноват. Навешивать ярлыки всем подряд не надо!

– Да ты что себе позволяешь?! – словно опомнившись, накинулась на нее классная. – Да я… Да я… Да ты знаешь, что я могу с тобой сделать?!

– Что? – спокойно спросила Илона.

– И ты еще спрашиваешь?! – взвизгнула Аллушка. – Не ожидала от тебя такой наглости! Понимаю: это ты всех подговорила! – И, как дирижер оркестру, махнула классу сразу двумя руками: – А ну-ка сядьте все! Немедленно!

Но класс продолжал стоять.

– Илона! Прекратите этот глупый фарс!

– Алла Ивановна! Мы уважаем вас, простим и сядем. Только признайте свою вину. Мы вас просим!

Учительница смотрела на нее так, как смотрят на шаровую молнию.

– Я должна просить прощение *у вас*?! За что?!

– За оскорбления.

– Ах вот оно что! Простите великодушно! За то, что довели меня до такого состояния, что с языка стали срываться неприличные фразы!

И хоть говорила Аллушка это с явной иронией, но слова прозвучали. Илона села. За ней следом с шумом стали усаживаться остальные. Аллушка машинально поправила рукой прическу, взяла в руки учебник и стала читать. Что? Вряд ли кто из ребят мог бы ответить на этот вопрос.

А после уроков Илона первой вышла из класса. По дороге домой ее догнал Борька Тарасов.

– Наивная ты, Гагара! Думаешь, что победила? Фиг там! День-два пройдет – Аллушка забудет твой урок и снова распустит свой язык. Это у нее в крови. Понимаешь? И что, всякий раз будем, как придурки, вставать? Не жди! Эксперимент удался, но продолжение бессмысленно.

Илона остановилась и внимательно посмотрела Борьке в глаза.

– Ну что ты меня гипнотизируешь?! – взвился он. – Возомнила о себе черт знает что! Считаешь себя умнее всех?!

Перекинув школьную сумку на другое плечо, Илона ускорила шаг. За спиной раздалось почти восхищенное:

– Ну Гагара!

Классная держала себя в руках недолго. Оскорбления снова слетели с ее губ. Илона встала. За ней поднялось человек семь. Аллушка проигнорировала их протест и продолжала урок, так и не извинившись. Семь человек упорно отстояли до конца урока, целых полчаса. В дневниках «вольной семерки» появилась запись: «Вызывающе ведет себя на уроках русского языка и литературы». В третий раз вслед за Илоной поднялся только Вовка Денисов. То ли замечание подействовало, то ли стоять весь урок ребятам надоело. На перемене Вовка тихо сказал:

– Знаешь, это уже становится смешным. Давай прекратим эту комедию.

Слова его Илона проглотила молча. И бунт перешел в поединок, за которым весь класс наблюдал с вожделенным любопытством.

Однажды Аллушка в гневе попыталась выгнать Илону из класса, но она не двинулась с места. Учительница подбежала к ней и уже хотела схватить за рукав школьного платья, но Илона так взглянула на нее, что рука классной сразу опустилась.

А Борька громко прокомментировал:

– Руки!

– Не умничай, Тарасов! – глядя в пол, произнесла Алла Ивановна. И тихо сказала, обращаясь к Илоне: – После звонка подойдешь ко мне на разговор!

Это был последний урок в кабинете литературы. Алла Ивановна торопливо заполняла журнал.

– Садись! – кивнула она на первую парту. – Подожди немного.

Илона внимательно следила за лицом учительницы, пока та небрежно строчила ручкой по бумаге. Никогда не замечала, что у Аллы Ивановны под глазами столько мелких морщин. И белые пряди вовсе не мелирование, а обычная незакрашенная седина. Лицо учительницы было таким усталым, словно она только что разгрузила вагон кирпичей. В груди Илоны шевельнулась жалость. И она уже не представляла, каким может быть этот разговор.

Наконец учительница отложила ручку, подперла рукой щеку и долго смотрела ей в глаза.

– Знаешь, ты вообще-то молодец! Личность. Редкое явление в наши дни. И то, что хочешь отучить меня от дурной привычки, – тоже похвально. Сама понимаю, что нехорошо это, а вот сдержаться не могу. Устала, что ли? Я ведь в школе работаю уже тридцать пять лет. На пенсию пора. К тому же, если честно, педагогом быть я вообще не хотела. Поступала в театральный! Актрисой хотела стать. Но провалилась. Потому и пошла в педагогический на филфак. – Она помолчала, задумчиво глядя в окно и не видя там ничего, кроме тех своих юношеских дней. А Илоне наконец стало понятно, почему Алла Ивановна так любила это чтение по ролям. – Извини, – спохватилась классная и стала поспешно собирать тетради. – Домой бежать надо. У меня мама больна. Десять лет уже с постели не встает и последнее время совсем умом тронулась. Кто бы только знал, как тяжело мне с ней! Ваш выпуск будет моим последним. Кстати, ты кем хочешь стать?

Илона растерялась. Такого поворота в этой щекотливой ситуации она никак не ожидала. А потому ответила не сразу:

– Учителем начальных классов. Или школьным психологом.

– Замечательно! Тогда не раз меня вспомнишь и простишь. Но лучше бы тебе стать учителем литературы. У тебя такая чуткая душа! И характер сильный. Будешь отличным лидером. Ведь самые большие проблемы – в подростковом возрасте. В начальных классах учитель еще для ребят авторитет. А вот с пятого все и начинается. Знаешь, – вдруг улыбнулась она, – ты больше не вставай, ладно? Дай знак, подними руку. Я увижу, извинюсь. Договорились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.